

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Крайняя мера

«Научная книга»

Серова М. С.

Крайняя мера / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Серова

Глава 1

– Что, снова митинг? – поинтересовалась тетушка, подходя к окну.

Я уже с полчаса наблюдала за толпой, скучившейся на центральной площади возле памятника Ильичу. Вовремя не снесенная скульптура – а ведь была такая возможность – до сих пор указывала рукой в никуда. Рука была вывернута так неестественно, что казалось, будто у Ильича открытый перелом.

– Акция протеста, – прокомментировала я, не оборачиваясь. – Скоро закончат. Погода сама видишь какая – вот-вот хлынет дождь.

– Сегодня учителя или медики? – Тетушка безуспешно пыталась всмотреться в лозунги, колыхавшиеся на октябрьском ветру.

– Студенты, – ответила я. – Очень много молодежи. Тебе не кажется это странным?

– Вовсе нет, – пожала плечами тетя. – Кто не был революционером в двадцать лет?

– Я думаю, что тут есть еще один аспект, – уточнила я. – Эти ребята не вкусили всех прелестей советской власти и теперь, по рассказам, знают только о бесплатном образовании и социальных гарантиях.

– Наверняка многие из них уже побывали за границей, – меланхолично заметила тетя Мила. – Попробовали бы они покататься по Европе лет двадцать назад! Впрочем, мне тоже не довелось...

Я не сдержала улыбки. Теперь-то моя тетя вполне могла бы себе позволить загранпоездку, даже несмотря на финансовый кризис.

Но ее гораздо более привлекали путешествия в мире книг, нежели экскурсии по городам и весям.

Вот и сейчас у тетушки был наготове очередной том с черной кошкой на обложке, и она предвкушала несколько часов полного погружения в иллюзорный и манящий мир детектива. И, как настоящий любитель, она немного оттягивала удовольствие, болтая со мной и наблюдая из окна вялотекущий митинг.

– Посмотри вон на того молодого человека! – кивнула тетя. – Прилично одет, с виду такой интеллигентный... И не подумаешь, будто тоже из недовольных. Типичный средний класс, правда?

– А он вовсе не митингующий, – присмотрелась я повнимательнее. – Просто остановился послушать. На то и митинг...

– Да, ты права, – согласилась тетя. – Вот он уже отошел от толпы и идет в нашу сторону. Осматривается. О чем-то спрашивает тетю Дуню, которая продает на углу семечки. Смотри, та показывает на наш дом.

– Ну да, ведь на нем нет номера. А вот он направляется к подъезду...

– Похоже, к тебе, – констатировала тетушка. – Ну что же, не буду мешать. Удачного тебе клиента, Женя. А то последний был уж очень капризен.

– Клиент всегда прав, – задумчиво проговорила я, глядя на идущего к нашему подъезду юношу. – Но в случае чего я могу потребовать взаимной вежливости. Ведь такие плакаты, кажется, раньше висели в магазинах, не правда ли, тетушка?

Мила не успела ответить – в дверь раздался звонок. Я пошла открывать, а тетя скользнула к себе в комнату и плотно закрыла дверь. Послышался внятный скрип пружин кресла и легкое

позвякивание ложечки о блюдо – это моя тетушка принялась за любимое дело, чтение, заедая кровавые тайны абрикосовым вареньем.

Я распахнула дверь. На пороге стоял тот самый молодой человек, за передвижениями которого мы с тетей только что наблюдали из окна.

Вид у юноши был довольно растерянный, но он, очевидно, решил с первых же секунд произвести на меня выгодное впечатление – как следует расправил плечи и, кашлянув, поинтересовался:

– Я могу видеть Евгению Максимовну Охотникову? – Голос у моего гостя был чуть дрожащий, но приятный, по тембру – драматический тенор.

– Уже.

– Что, простите? – переспросил он, от неожиданности забыв о том, что он только что старался не сутулиться и тянул макушку к потолку.

– Уже видите, – дружелюбно улыбнулась я. – Проходите, пожалуйста.

Теперь молодой человек явно испытывал смущение, и это не замедлило сказаться на его движениях. Входя, он умудрился каким-то хитрым образом задеть косяк в коридоре и измазать плечо своего зеленого плаща побелкой, потом зацепился поясом за дверную ручку, да так, что раздался треск рвущейся ткани.

Дальше – больше. Разуваясь, гость едва не опрокинул вешалку, и, когда ему удалось с третьей попытки пристроить свою верхнюю одежду на крючок, оборвалась петля. Поймав летающий на пол плащ, юноша беспомощно посмотрел на меня и развел руками:

– Вот... Всегда так...

Он накинул плащ на вешалку, уцепив его за воротник, и, одернув пиджак, прошел в зал.

Я предложила ему сесть и устроилась рядом, медленно разминая сигарету.

Однако гость не спешил поведать мне о том, что привело его сюда. Юноша сидел, поджав губы, и смотрел себе под ноги. Похоже, его снова обуяла нерешительность, и он никак не мог заставить себя начать разговор.

Я сочла нужным немного ему помочь – ведь именно я одним словом сбила с него положительное положение духа, на которое настраивался посетитель.

– Сейчас такое трудное время, что не всегда точно знаешь, как поступить, – начала я, словно мы были знакомы давным-давно. – Бывает так, что кажется – все, кранты, положение безвыходное. Но на самом деле выход всегда есть. Знаете, в английском метро теперь не вешают таблички «Выхода нет» – звучит уж очень пессимистично. Вместо этого висит знак: «Выход рядом».

– Да, это неплохо... – неуверенно процедил незнакомец. – Хотя, конечно...

И снова замолк.

Моя сигарета уже дотлела до середины, а разговор все не клеился. Я решила как-то помочь юноше сдвинуться с мертвой точки.

– Меня зовут Женя, – протянула я ему руку. Хотя, конечно, могла бы не представляться – ведь гость знал, кто перед ним находится.

– Ах, да, – спохватился юноша. – Митя. То есть Дима. Дмитрий Владимирович.

– Очень приятно.

Его рукопожатие было неожиданно крепким – чувствовалась хорошо развитая мускулатура кисти. Приглядевшись, я обратила внимание на то, что правое плечо у Дмитрия Владимировича чуть выше левого.

– Вы, часом, не музыкант? – спросила я. – Может быть, скрипач?

Дима был приятно удивлен.

– Да, – произнес он, непроизвольно улыбнувшись. – А что, у меня на лбу написано?

– Почти. Чуть ниже.

Дима не понял, что я имела в виду, но искренне восхитился моей проницательностью:

– Сразу видно, что вы это... детектив. Люблю иметь дело с профессионалами.

– Я не только частный детектив, хотя у меня есть и такая лицензия, – мягко перевела я разговор поближе к делу. – Я еще занимаюсь обеспечением безопасности грузов и охраной. Какой же именно аспект моей деятельности вас заинтересовал?

– Последний, – оживился гость. – Охрана то есть. Меня кто-то хочет убить. Знаете, это так неприятно...

Я внимательно посмотрела на Диму. Либо он болван, либо притворщик, либо просто наивный человек. Пока что я не пришла к определенному мнению.

– Идешь себе тихо, никого не трогаешь, и вдруг – бац! – жаловался Дима.

– А если поподробнее? – предложила я. – Чтобы взяться за работу, мне нужно знать более конкретно ваше теперешнее положение.

И Дима начал рассказывать. Чем больше он говорил, тем явственнее я убеждалась, что передо мной тот самый тип человека, который злые люди называют коротким и емким словом «лох».

Кстати, в последнее время это определение является и распространенным ругательством среди детей. Выводы из этого факта, увы, удручающи.

Конечно, хорошо, что молодое поколение считает расхлябанность и рассеянность дурными качествами. Конечно, хорошо, что дети растут с установкой не дать себя обмануть. Но слишком часто их собственный положительный настрой – «я не лох» – оборачивается презрением к слабым и беззащитным сверстникам...

Дима явно уже изрядно претерпел в жизни из-за свойств своего характера и теперь хотел перестать быть «лохом». Мне казалось, что это желание сыграло с ним злую шутку – вместо того чтобы идти к положительному полюсу, он заиклился на отрицательном и чересчур преувеличивал свои недостатки, пытаясь немедленно имитировать в поведении их полную противоположность.

Так, он старался быть развязным, хотя по натуре был застенчив. Хотел казаться сильным и уверенным, много повидавшим, разбирающимся в жизни человеком – это у него плохо получалось.

Если бы я была психологом, то посоветовала бы ему акцентировать именно свои положительные качества, вместо того чтобы дурить голову собеседнику и изображать из себя то, чем Дима не является.

Но я – не психолог, а всего-навсего частный детектив, хотя психологические особенности клиента играют для меня немаловажную роль, и мне необходимо учитывать в работе и этот фактор.

Что же касается конкретики, то за сорок минут общения мне удалось узнать следующее.

Дмитрий Владимирович Корнелюк явно хотел выглядеть солиднее, чем был на самом деле. В разговоре он упорно обращался ко мне исключительно по имени-отчеству, полагая, что и я буду отвечать ему тем же, – хотя для него вполне бы сошло и обращение «Митя», настолько молодо выглядел мой клиент. Но раз хочет по имени-отчеству, пусть будет так.

Дима Корнелюк стеснялся своей фамилии, несмотря на то что именно она принесла моему клиенту тот высокий уровень благосостояния, о котором многие его ровесники не могли даже и мечтать.

Владимир Георгиевич Корнелюк, отец моего клиента, сделал деньги еще в советские времена, сколотив несколько сельских кооперативов, занимающихся разведением пушных зверей. Хотя это и называлось тогда кустарным промыслом, но давало огромный доход.

Я не знаю, какие взятки давал отец Димы и кому, но суммы явно были немалые, иначе не удержаться бы Корнелюку на плаву. Однако он сумел обойти все преграды, трудился как вол и жил в свое удовольствие, наверняка обеспечивая безбедное существование и благоволившим к нему чиновникам, которые его прикрывали.

Но настали времена перестроечные. Связи во властных структурах теперь стали на вес золота в буквальном смысле слова.

Корнелюк и тут не сплеховал, сумев окончательно легализовать свой бизнес. Наверное, он был очень притким человеком, если пережил и волну рэкета в первые годы перестройки, и жестокую конкуренцию на более позднем этапе. Насколько я поняла из рассказа Димы, его отец никогда не терял прежних связей – а ведь текучка кадров во власти с горбачевских времен до наших дней была очень бурной. Однако, куда бы ни перемещался со своего поста человек, Корнелюк продолжал поддерживать с ним отношения. Некоторые залетали в очень высокие сферы, но Владимир Георгиевич не упускал случая о себе напомнить. И всегда извлекал из этого выгоду – для дела, а значит, и для себя.

Короче, к концу девяностых Корнелюк был на вершине успеха. Но год назад бизнесмена подкосил инсульт, и теперь некогда бодрый и жизнерадостный человек был лишен возможности двигаться и, более того, находился в помраченном состоянии сознания. Врачи – а вы можете представить себе, какой персонал его обследовал – не давали никаких оптимистических прогнозов.

Дима рос без матери – так уж вышло, что Владимиру Георгиевичу не повезло со спутницей жизни. Его жена – мать Димы – бросила его, когда мальчику не исполнилось и трех лет.

Похоже, эта семейная драма глубоко перепачкала Корнелюка-старшего, и с тех пор он не надеялся на прочные семейные узы. О матери Дима почти ничего не знал – отец сначала отдевался отговорками на вопросы ребенка, а когда тот подрос, настрого запретил ему говорить на эту тему, дав понять, что без мамы ему лучше.

Надо ли говорить, что это парадоксальное утверждение, произнесенное непререкаемым тоном, оставило глубокий след в душе ребенка?

Присматриваясь к Диме, пока он говорил, я почти наверняка могла утверждать: у него проблемы с женщинами. Такие слова, да еще из уст отца, даром не проходят. Вот так, одной фразой, можно надолго осложнить будущую жизнь своего любимого чада...

Что же касается самого Димы, то он оказался действительно в трудной ситуации. Музыкально одаренный мальчик с блеском закончил школу по классу скрипки (фортепиано, как обычно бывает в таких случаях, шло факультативом), с таким же успешным результатом было пройдено музучилище. Сейчас Дима обучался в консерватории, и преподаватели прочили ему большое будущее.

Но судьба властно развернула юное дарование лицом к жестокой реальности. Болезнь, приковавшая отца к постели, вынудила Диму с головой окунуться в неприятный мир проблем взрослых людей.

Бизнес отца требовал постоянного участия, а Корнелюк-младший был способен выполнять лишь четыре простейших арифметических действия. Говорить о том, чтобы Дима вошел в дело, не представлялось возможным. Меха – товар дорогой и доходный, желающих погреть руки хоть отбавляй. На фирму, лишенную директора, начались наезды, и потребовались значительные усилия со стороны партнеров отца, чтобы как-то нормализовать ситуацию.

На данный момент фирма по-прежнему прочно стояла на ногах. Но пришлось пойти на уступки – Дима передоверил пакет акций, принадлежавший отцу, головному совету компании, отказавшись от какого бы то ни было участия в делах фирмы. За это ему был гарантирован маленький, но верный процент от прибыли.

Отец, будь он в сознании, вряд ли бы одобрил такой поступок, но выбирать не приходилось. Корнелюк-старший был очень плох, и Дима вынужден был смириться с мыслью о том, что существование его отца в телесной оболочке – это всего лишь вопрос времени, причем недолгого: за последний месяц состояние Владимира Георгиевича резко ухудшилось.

Дима очень страдал, что не может постоянно находиться рядом с отцом. Призвание диктовало свою волю, и Корнелюк-младший не мог оставить занятия музыкой. Даже о том, чтобы взять академический отпуск, не могло быть и речи.

Выход был найден – Дима нанял опытную сиделку, дав объявление в газету. Средства позволяли оплачивать ее труд, женщина по имени Ангелина оказалась доброй и терпеливой, она почти неотлучно находилась при больном, уходя домой лишь для сна. В ночное время обязанности по уходу за бывшим меховым магнатом делили Дима и домработница, которая постоянно жила с семьей Корнелюков на протяжении последних десяти лет.

И вот новая напасть!

Случилось это в понедельник утром, две с небольшим недели назад.

Дима Корнелюк шел из дома в консерваторию своим обычным маршрутом. Автомобилем Дима никогда не пользовался, водить его не умел, да и учиться не собирался. Надо сказать, что мальчик был отнюдь не избалован богатством и привык ходить пешком и ездить в общественном транспорте, когда его не мог подбросить шофер отца.

Дорога до консерватории пролежала через проходной двор. Можно было, конечно, пройти и центральной улицей, но это заняло бы лишних десять минут, и обычно Дима использовал именно укороченный путь.

И вот, когда он поравнялся с мусорными баками, которые стояли возле брандмауэра с осыпавшейся известкой, из-за помойки вдруг выскочил какой-то человек в кожаной куртке и бросился на Диму.

Корнелюк от неожиданности растерялся. И неудивительно – ведь лицо нападавшего было скрыто ужасной, по словам моего клиента, маской: черная кожа с узкими прорезями для глаз и длинной – для рта. Дмитрия Владимировича почему-то особенно напугало то, что прорезь для рта была снабжена застежкой в виде «молнии».

– Честно говоря, – не без смущения признавался мне Дима, – больше всего я боялся за инструмент. Футляр выпал у меня из рук, и я услышал, как жалобно и тревожно задребезжали струны.

Скрипка была дорогой, и Диме было бы очень жаль ее лишиться. Дело было не в деньгах, просто за много лет скрипка становится как бы частью тебя самого, и менять инструмент все равно что менять любовницу: приходится изучать привычки новой подруги, свойства ее характера и прихоти. Короче, одна морока.

Однако речь вовсе не шла об ограблении, как сначала подумал Дима. Неизвестный в кожанке с заклепками даже не обратил внимания на футляр с ценным инструментом. Ему нужен был живой человек.

Бандит прижал Корнелюка к стене, цепко схватив его за лацканы куртки. То, что Дима может оказать какое-то сопротивление, даже не пришло ему в голову. Более того, Корнелюк попытался немедленно откупиться и уже было полез за бумажником...

Но возле его глаз вдруг сверкнуло лезвие ножа. Нож был коротким и очень острым. Дима говорил, что все происходящее было похоже на замедленное кино. Корнелюк отчетливо помнил, как блестела сталь, помнил остро заточенное с обеих сторон лезвие и углубление на нем – желобок для стока крови, помнил запах перчаток бандита.

– Он хотел меня убить, – жалобным голосом обиженного ребенка проговорил Корнелюк. – За что? Ума не приложу! Я никому не сделал зла...

– Продолжайте, Дима, – кивнула я. – Охотно вам верю, но этот пункт мы детально обсудим попозже. Итак, что же помешало убийце?

Помешали шумные прохожие.

Когда убийца рывком поднес нож к горлу Димы, внезапно раздался шаг – проходной двор был небольшим, всего метров двадцать, – и из-за угла показалась подгулявшая компания подростков.

Как оказалось впоследствии (Диме взалхлеб рассказывали об этом в консерватории), именно в этот день состоялось историческое событие – братание местных хиппи и панков, вылившееся в учреждение нового молодежного неформального ордена – хип-панков, которое завершилось к вечеру в центральном отделении милиции составлением протокола о нарушении общественного порядка.

Разбитная молодежь и спасла жизнь Диме Корнелюку. Хиппи – народ мирный и насилия ни над собой, ни над другими шибко не любящий, а о панках и говорить нечего. Как только новые неформалы увидели открывшуюся их слегка помутненным глазам сцену у помойки, они приняли решительные меры по пресечению безобразия.

Впрочем, злоумышленник тоже просек, что его замысел сорван, и быстро сделал ноги. Его гнали несколько метров, но ребятам это быстро надоело, и, запустив в спину неудачливому убийце пару гнилых картофелин, хип-панки плюнули на преследование и вернулись к Диме.

Несчастный Корнелюк едва пришел в себя после того, что с ним случилось. Дмитрий Владимирович сидел на корточках, прислонившись спиной к мусорному баку, и, глядя прямо перед собой, пытался что-то сказать.

– За что?! – наконец произнесли его губы. И Дима горько заплакал.

Побратавшиеся хиппи и панки не могли такого перенести. Они наперебой принялись утешать Корнелюка. Длинноволосые парни неопределенного возраста предлагали ему заветные косяки и портвейн, а одна из припанкованных девушек, одетая в рваный свитер, безжалостно исколотый булавками где только можно, смачно целовала его в губы. Но Корнелюк по-прежнему рыдал.

Опомнился Дима лишь в тот момент, когда один из спасителей проявил внимание к футляру с его скрипкой. Увидев свой инструмент в чужих руках, Корнелюк быстро вскочил и вежливо, но непреклонно переместил скрипку в свои руки. Ему пришлось уступить требованиям компании и сыграть битловскую композицию «Yesterday», после чего восхищенная публика оставила его в покое.

На занятия Дима в этот день не пошел – вернулся домой и до вечера пребывал в смятенных чувствах. Он думал о жестокости мира и о собственной уязвимости перед лицом зла, думал о том, что можно противопоставить агрессии, но не находил ответа.

– Знаете, Евгения Максимовна, – говорил Корнелюк, – я думал, что на меня напал маньяк. Мало ли какие бывают идеи фикс у этих ненормальных. Можно себе представить, например, что кто-то убивает людей, у которых в руках скрипичные футляры?

– Можно. Но с трудом, – отозвалась я. – Это в кино сценаристы выдумывают замысловатые мании для героев триллеров. В жизни все гораздо проще.

– Но ситуация повторилась! – воскликнул Дима. – И это самое ужасное!

– На вас было второе покушение? – спросила я с нескрываемым интересом.

Оказывается, было. И эта ситуация напрочь отметала версию о маньяке – ненавистнике скрипачей: футляра в тот день при Диме не было.

Как-то вечером Корнелюк бесцельно прогуливался по набережной Волги, не застав дома свою «знакомую девушку», как он тактично выразился. Впрочем, по его глазам я поняла, что с этой девушкой Диму связывает нечто большее, нежели простое знакомство.

Дмитрий Владимирович стоял спиной к аллее, облокотившись на парапет, и задумчиво смотрел на холодные волны великой русской реки. Корнелюку было грустно, и, глядя на быстрое течение, он думал о молодости, почему-то полагая, что для него это уже пройденный этап.

– Мне ведь уже не шестнадцать, – то ли с печалью, то ли с гордостью сказал Корнелюк. – А в этой жизни важно крепко стоять на ногах.

Но именно это не удалось в тот вечер Дмитрию Владимировичу. Кто-то подкрался сзади и, схватив Корнелюка за ноги, сбросил скрипача прямо в реку.

Юноша был настолько перепуган, что даже не успел закричать. Впрочем, его бы все равно никто не услышал – этот уголок набережной был безлюдным, а сверху раздавался несмолкаемый гул невидимых отсюда, с нижнего яруса прогулочной аллеи, машин.

Видимо, элемент неожиданности и спас жизнь Дмитрию: падая, он размахивал руками и ногами в разные стороны и отклонился от неминуемой траектории – прямо вниз из воды торчали острые прутья арматуры лежавших в воде бетонных плит. Корнелюк упал аккурат в зазор между двумя громоздкими панелями.

Осенняя Волга – это вам не шуточки. Барахтаясь, как щенок, Дима вынырнул на поверхность и поплыл вдоль парапета, стараясь не смотреть вверх – ему казалось, что оттуда может грянуть выстрел или в голову ему прицельно полетит булыжник.

Но все обошлось, хотя он приложил изрядные усилия в борьбе со стихией. Глубина в этом месте была не очень большая, но зато течение было довольно сильное. А уж температура – градусов десять, не выше.

А когда несчастный Корнелюк уже подплывал к проржавевшей лесенке, расположенной возле сточной трубы, неожиданно возникла новая проблема – ногу вдруг свело судорогой, и последние десять метров он подгребал к спасительным перилам только на руках.

И лишь когда Дима выбрался на берег и в лицо ему ударил резкий и холодный осенний ветер, он ощутил, что замерз до мозга костей. Пока Корнелюк барахтался в воде, было не до ощущений, главное – выбраться на берег любой ценой. Сейчас же Диму била мелкая дрожь, ноги не слушались, и он приложил немало труда, чтобы преодолеть несколько метров вверх – до ленты шоссе, по которой шастали автомобили.

Остановив машину, Дима едва смог пробормотать свой адрес – губы тряслись, зубы выбивали бешеную дробь. Шофер только покачал головой и, не задавая лишних вопросов, доставил Диму к дому, взял два промокших червонца и посоветовал принять горячую ванну.

Дима так и сделал. Лежа в теплой воде с хвойным экстрактом, он глядел на грудку мокрой одежды, которую сбросил возле ванны, и задавался тем же самым вопросом, на который он не нашел ответа несколько дней назад, после первого покушения:

– За что?!

Дмитрий Владимирович Корнелюк произнес эти слова, вопросительно глядя на меня – так, словно я должна была тотчас же разъяснить юноше: кто и почему вздумал отнять у него жизнь.

– Вы хотите, чтобы я взялась охранять вас? Или хотите, чтобы я нашла человека, который почему-то вас невзлюбил? – спросила я.

– И то и другое! – твердо ответил Корнелюк. – Ведь пока не будет найден этот человек, моя жизнь по-прежнему будет в опасности.

– Логично, – согласилась я. – Но это будет стоить вам в два раза дороже. Ведь мне придется выполнять двойную работу.

– Я полагаю, что вопрос о деньгах в данном случае вторичен, – серьезно произнес Корнелюк. – Ведь речь идет о моей жизни.

– Да, этому товару довольно сложно определить точную цену, – согласилась я, несколько цинично прокомментировав утверждение Корнелюка, – юноша в этот момент выглядел таким напыщенным, что я не могла немного не подколоть его, доведя высказывание до абсурда.

Что же, я возьмусь за эту работу, пожалуй, она по мне. Ведь я всегда с большим интересом занималась делами, которые требовали не только умения вовремя метко выстрелить, спасая какой-нибудь груз от налета, но и давали возможность применить свои интеллектуальные способности. Проводить бизнесмена от его офиса до банка с миллионом долларов в кейсе – дело нехитрое. Я любила задачи, которые представляли собой определенную проблему, бросали мне вызов. Дело Корнелюка было именно таким.

Ведь Дима правильно сформулировал основную задачу – не только охранять его жизнь, но и сделать так, чтобы покушений больше не было. Иначе работа будет выполнена только наполовину, а водить Диму под ручку из консерватории домой и из дома в консерваторию можно не год и не два. Да и такая роскошь юному музыканту не по карману. Следовательно, надо найти злоумышленника.

Первое, что приходило в голову при таком раскладе, – старый добрый вопрос: кому выгодно? Именно его я и задала Диме.

– Понятия не имею! – закричал Корнелюк. – Я – мирный, законопослушный человек! Никогда в жизни никого не обидел!

– Может быть, вам только так кажется? – невзначай поинтересовалась я.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Дмитрий Владимирович.

– Ну, – пожала я плечами, – бывают такие ситуации, когда человеку можно нанести смертельную обиду и даже этого не заметить. А он затаит злобу, которая рано или поздно вырвется наружу. В виде мести, например. Что вы думаете по этому поводу.

– Ничего! – уверенно произнес Корнелюк. – Я получил хорошее воспитание, спасибо за это моему отцу. Врагов у меня нет и не было.

– Тогда побудительным мотивом может быть зависть, – предположила я. – Наверняка среди вашего окружения есть люди, которые могут завидовать вашим способностям, вашему богатству.

– Вряд ли, – покачал головой Корнелюк. – О богатстве можно было бы говорить еще год назад. Но после того как отец серьезно заболел и начались все эти проблемы с фирмой, какое уж тут богатство! В настоящий момент я живу только на процент от прибыли. А это не такие уж большие деньги. Многие сокурсники получают куда больше меня – кто маклером работает, кто в посреднических фирмах. Что же касается способностей – то есть ребята более продвинутые, чем ваш покорный слуга.

– Постойте, Дима, – решила я уточнить, – но ведь существует не только процент от прибыли, о котором вы только что упомянули.

– Ну дом есть, ну счета за границей и тут, – нехотя согласился Корнелюк. – Но ведь все это не мое! Все записано на отца!

– Опекунство оформлено?

Корнелюк отрицательно покачал головой. Видимо, ему было тяжело говорить об этом.

– Знаете, Евгения Максимовна, хоть отец и болен уже долгое время, мы все же надеялись, что он поправится, – глухо произнес Дмитрий. – Он всегда был такой сильный, жизнерадостный...

– Понятно, – вздохнула я. – А кого вы имели в виду, когда говорили «мы»?

Корнелюк удивился:

– Разве я так сказал? Ну, наверное, себя, свою подругу, потом папину сиделку.

– Ту самую подругу, которую вы не застали дома в тот злополучный вечер?

– Да, – кивнул Дима. – Но она тут вовсе ни при чем, я уверен. Мне не хотелось бы...

– А я ведь ничего такого и не предполагала, – немедленно отозвалась я. – С чего это вы вдруг так резко бросаетесь на ее защиту?

– Да нет, просто... – смешался Корнелюк. – А вы когда думаете приступить к работе?

– Прямо сейчас. Считайте, что вы уже находитесь под моим крылом, – улыбнулась я.

Глава 2

На этот день у Димы не было никаких планов. Он предложил мне отправиться к нему домой, обещав выделить мне отдельную комнату.

– А там мы с вами вместе все и обмозгуем, – сказал Корнелюк.

Звучало все это довольно двусмысленно, но, еще раз взглянув на своего клиента, я поняла, что напрасно подозревала его в двуличии – Дмитрий Владимирович Корнелюк был наивен как младенец. Качество столь же ценное, сколь и опасное в повседневной жизни.

Мне, разумеется, очень хотелось посмотреть на жилище своего клиента – подчас обстановка может многое рассказать о человеке, даже то, что он пытается скрыть в своем поведении, – вещи ведь не поддаются словесному или эмоциональному гипнозу в отличие от людей.

Я быстро собралась, захватив с собой на всякий случай кое-что из своего снаряжения – электрошокер, маленький пистолет, умещавшийся на ладони, очки с вмонтированным в стекла прибором ночного видения и надела специальные туфли со спрятанными в носках мини-шприцами, которые были заполнены нервно-паралитической смесью.

Опыт подсказывал мне, что предстоит сложная и странная борьба. Пока что я не понимала всей ситуации и могла сделать только два предварительных вывода: преступник не является профессионалом и в то же время злоумышленник – очень целеустремленный человек.

Я полагаю, что если кто-то хочет кого-то убить, то этот «кто-то» осуществит свой замысел. Самостоятельно, если имеет место соответствующая подготовка, либо наняв профессионального убийцу.

И по всему выходило, что этот «кто-то» решил действовать сам. Дважды он пытался убить Корнелюка, и дважды у него это не получилось.

Мне очень не нравился этот пункт в моих размышлениях. Не в том смысле, разумеется, что Корнелюк был жив. Мне не нравилось, что убийца – дилетант. Если имеешь дело с профессионалом, то всегда знаешь, чего от него можно ожидать. Дилетанты же действуют непредсказуемо и способны на такие изощренности, которые и не снились потомственным киллерам.

Конечно, могло быть и так, что неизвестный вовсе не собирался убивать Диму. Не исключено, что Корнелюка решили просто припугнуть. Правда, второй случай не укладывался в эту схему, но я все равно не могла сбрасывать со счетов и такую версию.

Убийца, как я заключила, был человеком целеустремленным. Он знал маршрут Дмитрия от дома до консерватории и выбрал очень удобное место для того, чтобы привести в исполнение свой план.

Когда злоумышленника постигла неудача, он решился на вторую попытку. Но как он мог вычислить маршрут Дмитрия на этот раз?

Либо он постоянно следил за ним, либо владел информацией, что Корнелюк будет находиться в это время на набережной. Но Дима оказался там, потому что не застал дома свою подругу. Следовательно...

Впрочем, выводы делать еще рано. С подругой мне еще предстоит встретиться, и я попробую выведать, знал ли кто-нибудь о том, что к ней должен зайти Корнелюк. Не исключено, что таким образом можно будет вычислить неизвестного и вывести его на чистую воду.

Но мотивы, мотивы?! Не может человек планировать убийство другого человека просто так, только потому, что тот ему не нравится!

Однако Корнелюк терялся в догадках – вернее, никаких догадок у него попросту не было. И я склонна была верить в то, что Дима ни о чем не умалчивает. Разумеется, причины были, но Дима их просто не видел. И нужен был свежий внимательный взгляд со стороны, чтобы обнаружить эти причины. Например, мой взгляд.

Мы отправились домой к Корнелюку. К тому времени митинг уже сходил на нет, акция протеста заканчивалась, и нам пришлось ехать по улицам, по которым возвращались после мероприятия демонстранты.

– Давненько я не видела столько красных флагов, – проговорила я, глядя на полотнища и транспаранты.

– А вам сколько лет? – спросил Дима и тут же ойкнул. – Наверное, я задал неприличный вопрос, простите меня, пожалуйста.

– Своеобразные понятия о неприличии, – улыбнулась я. – Отчего же? Я с удовольствием отвечу – мне двадцать восемь лет.

– А я восьмидесятого года, – известил меня Дима. – Так что считайте, что я вырос уже при демократии. Если, конечно, такое слово подходит к этому строю. Впрочем, я в политике ничего не понимаю. Знаете, я как-то по-другому устроен.

– Ну и прекрасно, – успокоила я его. – Наверняка наши политики ничего не понимают в музыке. Каждому – свое, не так ли?

– Пожалуй, – согласился Дима. – Да я-то, в общем, не комплекую.

– Вот и славно. Тем паче что наши политики наверняка тоже не переживают относительно своей музыкальной безграмотности, – заметила я с улыбкой. – Ага, мы, кажется, приехали?

Мы остановились возле небольшого одноэтажного дома, выстроенного без шика, но со вкусом. Дима открыл ключом железную калитку, и мы вошли во двор. Проведя меня под руку по дорожке из желтого кирпича – после утреннего дождя камни были скользкими, – Дима поднялся на крыльцо, пропустив меня вперед.

В прихожей в нос ударил запах лекарств. Вытирая руки передником, на шум вышла пожилая женщина с морщинистым лицом. Увидев меня, она удивленно подняла брови и вопросительно посмотрела на Диму.

– Это Евгения Максимовна, – поспешил тот представить меня. – А перед вами наш добрый ангел, Ангелина Павловна, она ухаживает за папой.

Сиделка подала мне руку, которая была еще слегка влажной. Ее глаза смотрели на меня внимательно и настороженно. Ангелина Павловна сразу же спросила:

– Вы учитесь вместе с Димой? Что-то я вас раньше не видела.

– Евгения Максимовна будет выполнять одно мое конфиденциальное поручение, – ответил за меня Корнелюк, напустив на себя строгий и торжественный вид. – К музыке она не имеет никакого отношения. И вот еще что... Некоторое время Евгения Максимовна поживет у нас. Я думаю, поместим ее в бывшей детской.

Ангелина Павловна вытаращила глаза и слегка приоткрыла рот. Бог знает, что она подумала обо мне, но поведение Димы ее весьма удивило.

– Вам виднее, Дмитрий Владимирович, – произнесла она, пожав плечами. – Поступайте как знаете, в конце концов это не мое дело.

Корнелюк даже не понял, какое впечатление произвела его неуклюжая фраза на сиделку.

– Сейчас мы пройдем к папе, если не возражаете, – предложил он мне, – а потом я покажу вашу комнату. Раздевайтесь, пожалуйста.

– Владимир Георгиевич очень плох, – поджав губы, произнесла сиделка. – Вряд ли ему сейчас будет интересно общаться с вашей знакомой.

– Так надо, – настаивал Дима. – И вообще, Ангелина Павловна, я вас не понимаю...

– А я не понимаю вас, Дмитрий Владимирович. Могли бы немного и обождать, – заявила сиделка и удалилась, гордо подняв голову.

– Что она имела в виду? – растерянно спросил Дима, глядя ей вслед.

– Ну, что-то вроде того, что не следует приводить домой женщину и развлекаться с ней при живом хозяине, – пояснила я.

Корнелюк был потрясен:

– Как же так! Это недоразумение! Я немедленно должен с ней объясниться, – порывался он внести ясность в двусмысленную ситуацию.

– Бесполезно, – охладила я его пыл. – Сейчас вы ничего не сможете объяснить, только еще больше все запутаете. Давайте пройдем к вашему отцу.

Дима махнул рукой и показал мне на дверь, ведущую в комнату хозяина дома.

Раздвинув широкие тяжелые портьеры, Дима освободил мне путь. Я вошла, стараясь не шуметь. Широценная двуспальная кровать занимала собой едва ли не полкомнаты, на ней лежал Владимир Георгиевич Корнелюк. Несмотря на изнуряющий недуг, приковавший его к кровати, можно было представить, каким сильным и мощным был некогда этот человек.

Тем горше было видеть его теперешнее беспомощное состояние. И, похоже, надежд на улучшение действительно не было – Корнелюк-старший никак не среагировал на наше появление: его неподвижный взгляд был устремлен прямо перед собой – в лепной потолок, аккуратно на пухлого амурчика, который целился стрелой в пастушку.

Бросив взгляд на легкомысленные барельефы по периметру потолка, я еще раз внимательно посмотрела на больного. Дышал он с трудом, подчас прорывались хрипы. Восковой профиль Корнелюка заострился, под глазами темнели широкие синяки, взгляд помутнел.

Когда Дима подошел к отцу и взял его за руку, дряблые мускулы даже не шевельнулись. Похоже, дни Владимира Георгиевича сочтены – впрочем, дней этих могло быть еще довольно много: в таком состоянии больные иногда находятся годами.

– Вот так мы и живем, – беспомощно проговорил Дима, обращаясь ко мне. – И так тяжело, а тут еще этот криминал, будь он неладен.

– Разберемся, – как заправский мент пообещала я. – Дайте только срок.

– Ну что ж, – Дмитрий погладил отца по руке и поднялся с кровати, – пойдемте. Ваша комната направо. Удобства – прямо по коридору.

Я кивнула и прошла в свои временные владения. Комната оказалась небольшой, но уютной. Кровать, тумбочка, кресло, маленький японский телевизор... А вот и напоминание о том, что это бывшая детская – стена возле кровати была увешана вымпелами со значками, которые маленький Дима собирал еще в школе и, судя по их количеству, изрядно преуспел в этом коллекционировании.

Дима дал мне полчаса на освоение обители – потом был обещан обед. Похоже, трапезы в этом доме были заведены совместные, так как Корнелюк назвал точную цифру – ровно в четыре.

Мне, честно говоря, не улыбалось сидеть за одним столом с сиделкой Ангелиной Павловной и то и дело ловить на себе ее возмущенные взгляды. Но в чужой монастырь со своим уставом не лезут, и я смирилась с этой перспективой. Впрочем, как показали дальнейшие события, у «доброго ангела» дома Корнелюков, как охарактеризовал мне Дима Ангелину Павловну, появился еще один повод для выражения своих эмоций. Но обо всем по порядку.

Я прихорашивалась перед зеркалом, когда расслышала мелодичный звонок. Я высунула голову из-за двери: так и есть, открывать шел Дима! Я немедленно выскочила из комнаты и нагнала его у самого порога. Перехватив руку юноши, которая уже легла на головку замка, я твердо заявила своему клиенту:

– Чтобы этого больше не было! Если я с вами работаю, то извольте вашу активность свести до минимума. Я понятно выражаюсь?

– Н-не очень, – проговорил оторопевший от моего напора Корнелюк. – Я ведь ничего такого не делал! Только хотел открыть дверь...

– Это и есть «такое», – заверила я его. – Пока я отвечаю за вашу безопасность, прошу меня слушаться. Иначе – я пас.

– Так что же, вы будете со мной и на занятия по музыке ходить? – ужаснулся Дима.

– Ага, – кивнула я. – В крайнем случае посижу перед классом в коридорчике. Можете не беспокоиться, меня примут за студентку. Никто не подумает, что я вас охраняю. Более того, никто и не должен будет так подумать. Я вообще могу к вам не приближаться, если угодно. Но я всегда должна быть рядом!

Дима был потрясен. Похоже, он не предполагал, что я буду так серьезно подходить к своему делу. А что же, интересно, он думал? Что я буду сидеть в своей комнате и ждать, пока его пристрелят или прирежут?

Между тем человек по ту сторону двери проявлял признаки нетерпения. Звонок прозвонил снова, и на этот раз был более долгим и настойчивым.

– Ну открывайте же! – улыбнувшись, предложила я. – Я же не запрещаю вам ограничивать круг своих знакомых. Я буду просто стоять рядом.

Дима покорно кивнул и открыл дверь. На пороге стояла невысокая девушка в кожаном плаще серо-зеленого цвета. В руке у нее был скрипичный футляр.

– Ты что, заснул? – спросила она Диму с порога, не здороваясь. – Я звоню-звоню, а ты нулем. Да и сейчас молчишь. Что-то случилось?

Было ясно, что в последней фразе девушка имела в виду отца Димы. Значит, белокурая гостья в курсе домашних дел Корнелюка.

– Нет, ничего, – пролепетал Дима. – Просто я замешкался...

– Да ты и сейчас мешкаешь, – с легким раздражением проговорила девушка. – Так ты пригласишь меня войти или нет?

Дима расшаркался, заахал и, отвесив неуклюжий полупоклон, отступил. Гостья вошла в холл и сразу же заметила меня. Удивленный взгляд смерил мою фигуру с ног до головы, а потом переместился на Диму.

– Это Евгения Максимовна, – представил Дмитрий. – А это Оля. Мы вместе учимся. Я говорил вам, помните, Евгения Ма...

– Очень приятно, – подала мне руку подруга Димы, изобразив на лице улыбку. – Интересно, что же вам Митя про меня наболтал?

– Только самое хорошее, – заверила я ее. – Рада с вами познакомиться.

Ольга явно не знала, как реагировать на мое присутствие. Пока что для нее было секретом, в каком качестве следует воспринимать появление незнакомки в столь хорошо известном ей доме.

– Вы по делам отца? – спросила она меня невзначай, когда мы проходили в зал.

– Скорее по делам сына, – ответила я. – Но и отца тоже в какой-то степени.

– Снова неприятности в фирме? – настороженно поинтересовалась Ольга. – Или вы представляете интересы кого-то из родственников?

– Родственников? – удивилась я. – Разве кто-то может предъявить какие-то права?

Ольга прикусила язык.

– Так вы не ответили на мой вопрос, – с недобрым выражением глядя мне в глаза, проговорила Ольга. – Или вам нравится нагнетать тайну?

– Просто всему свое время, – спокойно ответила я. – А сейчас время обеда.

Стол уже был накрыт. На крахмальной скатерти блестели серебром столовые приборы, посверкивал хрусталь, а белый фарфор сервиза весело отражал солнечные лучи. Обед был довольно скромный: крабовый салатик с кукурузой и капустой, бульон с клецками и толстенький антрекот с лечо.

Совместная трапеза, как и подсказывала мне интуиция, не обошлась без скандала.

«Добрый ангел» Ангелина Павловна не выдержала такой, по ее мнению, наглости со стороны Димы. Привести домой сразу двух женщин и усадить их вместе с собой за обеденный стол! Ведь семейная трапеза – это священнодействие для дома Корнелюков!

Понятно, что Ангелина Павловна не могла сказать все это в лицо «молодому хозяину». Но и терпеть такое безобразие сиделка тоже не собиралась.

Началось все с долгих, внимательных и тяжелых взглядов, которые Ангелина Павловна «дарила» присутствующим по очереди. Я наблюдала, как «добрый ангел» пытался безмолвно выразить силой своего взгляда возмущение пополам с укоризной, и меня эта пантомима немало позабавила. Надо сказать, что Оля с честью вынесла это испытание – когда Ангелина Павловна, в очередной раз тяжело вздохнув, уставилась на девушку, та подняла голову и выдержала взгляд пожилой женщины, причем в это время на ее губах играла торжествующая улыбка – слабо, мол!

Ангелина Павловна была вынуждена признать поражение. Даже не покончив с первым блюдом, она с опущенным долу взором встала из-за стола и, еще раз вздохнув на прощание, молча удалилась.

– А как же мясо?! – прокричал ей вслед Дима.

Но Корнелюк-младший не успел как следует прожевать пищу, и это восклицание выглядело уж никак не заботливым, а, скорее, издевательским. Ангелина Павловна лишь махнула рукой, даже не обернувшись.

– Какая муха ее укусила! Наверное, что – то с желудком, – недоуменно пожал плечами Дима.

Мы обменялись с Ольгой понимающими взглядами, причем обе не смогли сдержать улыбки.

– Эта муха называется ревность, Димочка, – проговорила Ольга.

Корнелюк поперхнулся.

– В каком смысле? – Он подозрительно посмотрел на свою подругу. – Ангелина Павловна вроде бы уже в возрасте. Да и вообще...

– Ревность в более широком смысле. Можно сказать – ревность семейная, – терпеливо пояснила Ольга своему приятелю. – Ты, Димочка, можно сказать, в душу ей наплевал. Да-да, можешь не тарашить так глаза. Впрочем, ты слишком толстокожий, чтобы сразу это понять...

Дима обиделся. Он отложил вилку, отодвинул от себя тарелку с недоеденным антрекотом и вопросительно посмотрел на Ольгу.

– Что, не очень-то приятно? – усмехнулась та. – Но не обижайся, пожалуйста. Правда – вещь неприятная. Наверное, эмоциональная бестактность – общая беда всех мужчин. Они хорошие стратеги, надо отдать им должное, но плохие тактики. Извини за каламбур, но с чувством такта у тебя явно не фонтан...

– Может быть, ты объяснишь поподробнее? – сухо проговорил Дима. – И я смогу как-то исправить свой недостаток, учтя твои упреки.

– Упреки? – удивленно подняла брови Ольга. – Это вовсе не упреки, дорогой. Много чести... Впрочем, я не намерена ничего объяснять при посторонних. Давай как-нибудь в другой раз...

Я украдкой бросила взгляд на Диму. Он поймался на крючок Ольги с первой попытки и сказал именно то, что она в данный момент хотела услышать.

– Ты можешь говорить совершенно свободно, тем более что Женя вовсе не посторонняя, – начал разъяряться Дима. – По крайней мере, в данный момент... В общем, ее присутствие не должно тебя волновать.

– Волновать? – с издевкой переспросила Ольга. – А почему ты думаешь, что присутствие у тебя в доме молодой женщины должно меня волновать?

– Ну как... – развел руками Корнелюк. – Ты можешь что-то такое подумать...

Тут терпение изменило уже Ольге. Она вытерла губы салфеткой и встала из-за стола.

– Ну хорошо, ты сам напросился, – с холодной яростью произнесла она. – По-моему, ты просто жалкий эгоист. Да-да, не перебивай меня, хотел слушать – так изволь. Ты привык

думать только о себе и о музыке, окружающие для тебя существуют не как живые люди, а как объекты, с которыми ты время от времениходишь в контакт.

Ее руки крепко сжимали спинку стула, да так, что побелели костяшки пальцев.

– Господи, какая я была дура! – Ольга завела глаза к потолку. – Зачем я только заговорила с тобой в тот день! Ты показался мне милым, трогательным дурачком, который нуждается в ласке и заботе. И я взвалила на себя эту ношу, которую тащу и по сей день. Лучше бы я сразу послала тебя к...

Дима слушал, от удивления выпучив глаза и приоткрыв рот. Он был настолько потрясен услышанным, что даже не пытался перебивать.

Было похоже, что я присутствую при первой их ссоре и сейчас говорят самые обидные слова, которые потом придется смывать слезами и поцелуями. Но Корнелюк, само собой, этого не просекал и был уверен, что на его глазах разыгрывается самая настоящая трагедия, в которой ему, Диме, предназначена главная роль.

– Как я обманулась! – Ольга продолжала свой монолог дрожащим голосом.

Я поняла, что еще немного, и она разрыдается. А ведь мне хотелось бы с ней перемолвиться словечком насчет их несостоявшейся с Димой встречи, которая была таинственным образом связана со вторым покушением. Но теперь, кажется, я упустила этот шанс.

– Ты оказался всего-навсего маленьким вампирчиком, который присасывается к человеку и пользуется им до тех пор, пока тот ему нужен. Ты ведь даже не потрудился как-то обозначить наши отношения, хотя мы знакомы с тобой уже черт знает сколько времени!

– Ольга, прекрати! – подал наконец голос Дмитрий. – Сейчас ты не в себе и...

– Не-ет уж! – сладострастно протянула Ольга. – Я тебе выдам на полную катушку, раз сам напросился. Сиди и слушай, если хватит мужества. Представляете, Женья, этот юноша настолько робок, что поцеловал меня лишь через месяц после того, как мы познакомились. Причем поцеловал – это громко сказано. Просто мы ехали в автобусе, на повороте тряхнуло, и он, не удержавшись за поручень, ткнулся мне губами в лицо. Да еще потом и извинялся.

– Как ты можешь! – Дима прикрыл глаза рукой. – Нет, я лучше уйду...

– Сидеть! – прикрикнула на него Ольга. – Думаешь, мне легко общаться с тобой чуть ли не ежедневно, не зная, какие у тебя планы в отношении меня? Ты знаешь, скольким парням я уже отказала? А ведь среди них были очень представительные экземпляры, не тебе чета. И что я получаю взамен? Разговоры, разговоры и разговоры.

– Но я еще не готов сделать тебе предложение! – в отчаянии прокричал Дима.

– Предложение? Вот это новость! – Ольга чуть наклонила голову набок. – А с чего ты взял, что я соглашусь выйти за тебя замуж?

– Я полагал, что между нами существует духовная общность, которая... – с трудом говорил Дима, – которая... со временем может перейти в более крепкое чувство. Но пока я еще не готов для...

Но Ольга уже не могла остановиться. Ее несло, словно грузовик под горку.

– И сколько же ты намерен думать? – презрительно спросила она. – Испытывать свои чувства, да? А может, мы вообще не подходим друг другу в сексуальном плане! Ведь мы еще ни разу с тобой не спали! И не кривись, пожалуйста, ты ведь сам только что сказал: Женья – не посторонняя и при ней можно говорить на любые темы.

Она повернулась ко мне, оскалив рот в подобии улыбки. Я продолжала сидеть молча.

– Как вам это понравится, Женья, – переключилась она на меня. – Вам говорят, что намерены просить вашей руки, но еще точно не решили, будут это делать или нет! Можно подумать, что у меня нет гордости!

– Нужно просто немного подождать, – хриплым голосом произнес Дима.

– Хватит, спасибо! – съязвила Ольга. – Я уже по горло сыта ожиданиями. Сначала ты намекаешь на романтический вечер, потом передаешь через знакомого, что не сможешь прийти...

– Это было в тот самый вечер? – мгновенно повернулась я к Диме.

– Четвертого октября? – в свою очередь решил уточнить он у Ольги.

– Да, четвертого октября, – с вызовом произнесла она. – А что вы, Женя, подразумеваете под словами «в тот самый вечер», хотелось бы мне знать?

– Ольга, я потом тебе все объясню, – твердо сказал Дима. – Сейчас лучше не вникай.

– Ага! – торжествующе произнесла она. – И ты еще будешь утверждать, что я не права. Да ты в грош меня не ставишь!

– Понимаете, Ольга, – прочувствованно произнесла я, стараясь быть убедительной, – на самом деле тут произошло какое-то недоразумение. Дима приходил к вам в тот вечер, но не застал вас дома.

– Очень по-мужски! Сначала назначить свидание, потом отменить, потом все же притащить и в конце концов выставить счет за то, что я не сидела в четырех стенах сложа руки! – выпалила Ольга.

– Вы просили кого-то позвонить? – быстро спросила я у Димы.

Тот замотал головой.

– Врет! – рывкнула Ольга. – Врет и не краснеет! Уж не знаю, какие у тебя дружки, которым ты даешь такие щекотливые поручения, но уж голосок у того типа был на редкость омерзительным.

– А поточнее?

– Шепелявый и гнусавый, – повернулась ко мне Ольга. – Да что вы ко мне пристали, лучше у него спросите! А мне пора!

Дима рванулся со стула, но Ольга отстранила руку, которой Корнелюк попытался удержать ее. Перекинув за плечо шарф, Ольга гордо подняла голову и, не глядя на Диму, вышла из зала.

Вскоре хлопнула входная дверь. Корнелюк сидел красный как рак, машинально ковыряясь вилкой в салатнице. На меня он старался не смотреть.

– Ну что ж, – вздохнула я. – Вы получили своего рода урок. Делайте выводы.

– Теперь все кончено, – потерянным голосом произнес Дима.

– Ничего подобного! – заверила я его. – У меня есть знакомые, которые просто не могут лечь в постель, если перед этим хорошенько не поцапаются. Даже до рукоприкладства порой доходит, «Скорую помощь» однажды пришлось вызывать. Зато потом...

– Это совсем другое, – покачал он головой. – У нас с Ольгой особые отношения...

«Вернее, никаких», – подумала я про себя, а вслух продолжала подбадривать Диму:

– Все не так мрачно, как могло вам показаться. Это даже хорошо, что ваша подруга выговорила. Дальше вам будет проще найти общий язык. Если вы, конечно, пойдете ей навстречу...

– Знаете, Евгения Максимовна, – Дима с трудом поднялся со стула, – я намерен немного пройтись. Если вы хотите составить мне компанию...

– Хочу? – удивилась я. – Мое хотение тут ни при чем, я на работе.

Глава 3

На улице Дмитрий Владимирович по-прежнему находился в подавленном состоянии. Он молча вышагивал по пустынному бульвару, изредка пиная ногой попадавшие на дороге кучи прелых листьев.

Я решила немного отвлечь его от грустных мыслей и повернуть лицом к реальности. В конце концов, я не нанималась к Диме в психотерапевты.

– Как бы там ни было, – нарушила я молчание, – из слов Ольги я поняла, что кто-то знал о том, что вы намерены нанести ей визит, и сделал так, чтобы ее не оказалось в этот вечер дома.

– Ну и что? – уныло произнес Корнелюк. – Что это нам дает?

– Информацию для размышления, – пояснила я. – Человек, позвонивший Ольге, знал, где и во сколько вас можно будет застать. Помните, как вы барахтались в волжской водиче? Конечно, помните. А теперь постарайтесь вспомнить другую вещь: кто мог знать о вашей предполагаемой встрече с Ольгой? Вы кому-то об этом говорили?

– Нет, конечно, – вздохнул Дима. – У меня нет близких друзей, с которыми я бы делился подобными планами. Да и если бы были – все равно не стал бы рассказывать, что я иду на свидание. Это очень личное...

«Боже, как старомоден! – умилилась я. – Ну прямо пай-мальчик!»

– Ну хорошо, – не унималась я, – может быть, вы попытаете восстановить ситуацию, во время которой была намечена эта встреча? Скажем, вы могли договориться где-нибудь в коридоре консерватории и кто-то мог подслушать. Помните, как это происходило?

– Разумеется, – тихо произнес Дима. – Я долго готовился перед тем как... Ну, в общем... Ольга сказала правду, что мы с ней еще... кх-м... не перешли определенную границу. По моему мнению, это должно было произойти как-то особенно... Празднично, что ли... Ничего что я с вами вот так, напрямую?

– Все правильно, – кивала я. – Считайте, что я врач или адвокат. Никаких секретов, если вы хотите, чтобы мы вышли из затруднительной ситуации, в которой вы оказались. Продолжайте, пожалуйста.

Конечно, быть наперсницей в чужих любовных делах – занятие неблагодарное. Чувствуешь себя канализацией, в которую мощной струей сливают свои комплексы, заботы и проблемы. Но работа есть работа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.